

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию
Ананьева Дениса Анатольевича «**Англо- и немецкоязычная историография истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX – начала XX в.**», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.5 – историография, источниковедение и методы исторического исследования

Ни одно десятилетие и даже ни один век история Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки продолжает находить своего исследователя. Специалисты-историки неизменно открывают в этом объекте новые грани, обогащая как отдельными малоизученными конкретными сюжетами, так и современными методологическими и историографическими подходами. При этом следует подчеркнуть: отечественных историографических работ по истории этого региона насчитывается немного, а исследования, рассматривающие англо- и немецкоязычную историографию второй половины XIX – начала XX в. – вообще единичны, что подчеркивает и новизну, и актуальность представленной диссертации.

Диссертация Д. А. Ананьева «Англо- и немецкоязычная историография истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX – начала XX в.» состоит из введения, пяти глав, разбитых на десять параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы. Такая структура соответствует рекомендациям ВАК, а главное позволяет автору последовательно решить стоящие перед ним задачи исследования. Во введении Д. А. Ананьев, прежде всего дает историографический обзор избранной им темы, отмечая, что отечественные авторы осветили лишь отдельные аспекты зарубежной историографии – деятельность ряда научных центров, концепции некоторых историков-сибиреведов, основную проблематику англо- и немецкоязычных трудов по дореволюционной истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки. Вот почему, совершенно справедливо заключает автор, «нельзя не признать, что разрозненные обзоры, статьи и рецензии не дают целостной картины развития западного сибиреведения». Более полное и объективное

понимание историографического процесса, всесторонний анализ зарубежной историографии все же «требует осуществления комплексного исследования» – чему и посвящена настоящая диссертация [С. 38].

Здесь же во введении автором весьма профессионально сформулированы предмет и объект, обоснованы хронологические и территориальные рамки темы, подробно прописаны задачи ее раскрытия. Следует отметить, что методологической основой своей работы Д. А. Ананьев избрал «теоретический инструментарий культурно-интеллектуальной истории», что выглядит вполне обоснованно, учитывая специфику любой историографической работы. При этом автор применяет методологический инструментарий весьма осторожно, с учетом «основных тенденций развития западной исторической науки, деятельности научных центров изучения истории Сибири и Дальнего Востока и усилий отдельных зарубежных историков по созданию научных школ», т. е. с учетом тех концепций, при помощи которых эти труды были когда-то созданы. Такой синтезированный подход, на наш взгляд, выглядит наиболее взвешенным и обоснованным [С. 40].

Первая глава содержит анализ организационных аспектов изучения данной темы. Прежде всего Д. А. Ананьев рассматривает историю создания и деятельность основных центров историко-сибиреведческих исследований в англо- и немецкоязычных странах, выделяя в ней несколько этапов, обусловленных общими тенденциями развития западной историографии. Д. А. Ананьев определяет, что первые подобные центры появляются в Великобритании, Германии, США еще в начале XX в., затем выделяет рубеж 1950–1960-х гг., и, наконец, начало XXI в. как время значительного расширения географии исследовательских институтов. По мысли автора, данные структуры объединяли усилия самого широкого круга специалистов-сибиреведов, способствовали сохранению и передаче накопленного научного опыта новым поколениям исследователей [С. 99, 121, 129].

В этой же главе Д. А. Ананьев исследует основные методологические и теоретические подходы, с помощью которых западные специалисты изучали и

изучают историю Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки. Автор последовательно рассматривает концепцию «русской восточной экспансии», сложившуюся еще в первой половине XIX в. в работах калифорнийских историков, теории «фронта», «модернизации», «новой имперской истории». Им подмечено, что в конце XX в. исследуемое им научное направление испытало влияние «новой культурной и социальной истории», а затем, в условиях «антропологического поворота», историко-сибиреведческие исследования обрели междисциплинарный характер, объединив методы культурной антропологии, имагологии и других научных направлений. Такое разнообразие методологических приемов, по мысли автора, и мы с ним совершенно согласны, позволяет зарубежным коллегам наиболее полно и последовательно изучать историю сибирского и дальневосточного региона [С. 177, 179].

Весьма благоприятное впечатление у оппонента оставляет вторая глава диссертации Д. А. Ананьева, которая посвящена отображению в англо- и немецкоязычной историографии проблем управления, общественно-политического и социокультурного развития сибирского региона во второй половине XIX – начале XX века. Автор отмечает, что западным историкам удалось осветить достаточно широкий круг проблем, связанных с управлением дореволюционной Сибирью. При этом большое место исследователи отводили фигуре М. М. Сперанского и его реформам, в первую очередь, законам, посвященным коренным народам региона. Автор совершенно справедливо отмечает, что анализ государственной политики в отношении инородцев, ставил западных исследователей перед необходимостью объяснения всего процесса сибирской колонизации, анализа её проведения и неоднозначных результатов. [С. 190–194].

Заметное место в диссертации Д. А. Ананьева отведено вопросам изучения западной историографией истории пенитенциарной политики Российского государства в Сибири. Исследовав значительное количество историографических источников, автор пришел к выводу о том, что зарубежные историки рассматривали каторгу и ссылку не только как суровое наказание уголовных и

политических преступников, но, в немалой мере, как один из важнейших инструментов управления Сибирью. При этом, сопоставляя «инструменты экспансии» и «колониальные практики» России с историческим опытом других стран, англо- и немецкоязычные авторы все же в основном критически оценивали итоги «штрафной колонизации» сибирского региона и Сахалина. Добавим здесь, что данные оценки созвучны и с выводами большинства отечественных специалистов, о чем и указывает справедливо Д. А. Ананьев [С. 271].

Третья глава диссертации обстоятельно и подробно раскрывает основные проблемы изучения англо- и немецкоязычной историографией различных аспектов истории социально-экономического развития Сибири второй половины XIX – начала XX в. Здесь анализируются работы, посвященные истории сельскохозяйственного освоения региона, становлению некоторых отраслей промышленности и транспорта, преимущественно железнодорожного.

В параграфе «Проблемы аграрного развития Сибири» Д. А. Ананьев подробно рассматривает труды западных исследователей, подчеркивая, что большая часть авторов напрямую связывала прочность позиций России на Азиатском континенте прежде всего с крестьянской колонизацией и усилиями государства по ее поддержке и развитию, имея ввиду в первую очередь реформаторский курс П. А. Столыпина. В 1950–1970-х годах британские и американские исследователи рассматривали проблемы сельскохозяйственного освоения обширных сибирских земель преимущественно с позиций теории «модернизации» и «фронта», причем ими давались в большей мере критические оценки хода и итогов крестьянских переселений. Современные зарубежные специалисты в целом склонны писать о благотворном влиянии указанных процессов на социально-экономическое развитие Азиатской России. В то же время, доказательно утверждает Д. А. Ананьев, ряд историков призывают не преувеличивать успехи «модернизации» Сибири или специфику сибирского фронта [С. 293].

Здесь же, в параграфе «Проблемы развития промышленности и транспортной инфраструктуры» анализируются англо- и немецкоязычные исследования по истории индустриального развития Сибири. Д. А. Ананьев

определил, что в работах ряда авторов основное внимание уделялось истории сооружения Транссибирской магистрали и влиянию этого фактора на развитие региона, а также военно-стратегическому и геополитическому значению дороги. Называя Транссиб важнейшим условием модернизационного развития, большинство зарубежных исследователей расценивали индустриальное освоение Сибири в конце XIX века как довольно успешное. При этом Д. А. Ананьев выявил и таких историков, которые полагают, что доминирующая роль самодержавия в индустриализации сибирских окраин «служила, скорее, сдерживающим фактором, препятствовавшим полноценной и всеобъемлющей модернизации экономики» [С. 355]. Добавим к этому, что и в современной отечественной историографии имеются подобные оценки значения государства и Великого сибирского пути для развития региона.

В четвертой главе анализируется англо- и немецкоязычная литература, рассматривающая проблемы истории Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX в. В параграфе «Присоединение Приамурья и Приморья» Д. А. Ананьев анализирует работы зарубежных авторов, изучавших процесс территориального расширения России или в контексте международного соперничества, либо как постоянное стремление государства получить выход к незамерзающему морю, или в сочетании с процессами «имперской экспансии». При этом, как установил Д. А. Ананьев, абсолютное большинство иностранных авторов, несмотря на различия методологических подходов, считали и считают, что наиболее выдающуюся роль в территориальных приращениях России сыграл генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский, усилиями которого Россия «окончательно превратилась в тихоокеанскую державу» [С. 395].

Далее Д. А. Ананьев рассматривает англо- и немецкоязычные исследования, посвященные политике Российской империи на Дальнем Востоке в преддверии Русско-японской войны 1904–1905 гг. Зарубежные авторы уделяли этой теме повышенное внимание, полагая, в основном, что прямое вооруженное столкновение двух империалистических держав показало экономическую и военную отсталость России, а поражение в войне усилило рост забастовочного и

социал-демократического движения, значительно радикализовало общественные силы не только в центре страны, но и на ее периферии, в том числе, в Сибири и на Дальнем Востоке что, в конечном счете, и привело к событиям Первой русской революции [С. 409].

Пятая глава диссертации Д. А. Ананьева посвящена анализу публикаций англоязычных авторов, исследовавших историю Русской Америки. Автор отмечает, что история Русской Америки оказалась в сфере пристального внимания зарубежных авторов во второй половине XIX в. За прошедшие полтора века западные историки, в распоряжении которых, в отличие от сибирской темы, имелся значительный и разнообразный источниковый материал, достаточно основательно исследовали историю русского присутствия на Аляске. Среди поднятых ими проблем автор выделяет изучение причин появления здесь русских; итоги хозяйственного освоения региона; изучение истории взаимоотношения русских с коренными народами. Особое внимание в западной историографии уделялось выяснению причин проникновения русских в Северную Америку. Д. А. Ананьев установил, что вначале в историографии преобладали политические, затем преимущественно торговые причины, объяснявшиеся стремлением найти новые источники пушнины в регионе. Некоторые ученые указывали на переплетение политических и торговых интересов России в данном регионе [С. 480–483].

Повышенное внимание зарубежные ученые выказали и к вопросу о продаже этих территорий Соединенным Штатам. Д. А. Ананьев отметил, что до сих пор вокруг продажи/покупки Русской Америки в исследуемой им историографии идет оживленная дискуссия, при этом часть западных авторов видят в данном акте проявление дальновидности внешней политики Российского государства, другие – отмечают ошибочность или вынужденный характер настоящего решения. [С. 517–519].

В Заключении Д. А. Ананьев приходит к хорошо обоснованному всем материалом диссертации выводу о том, что зарубежные исследователи рассматривавшие вопросы истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки «проделали значительный путь», сумели накопить «богатый»

источниковый и историографический материал. Однако его переосмысление возможно лишь «в рамках масштабного обобщающего исследования», комплексно рассматривающего различные аспекты истории региона. Решению данной задачи, предполагающей привлечение большого исследовательского коллектива, по мысли автора, должна способствовать деятельность специализированных центров и структур, ориентированных на изучение сибирской проблематики. Выразим полное согласие с мнением Д. А. Ананьева [С. 521].

Диссертация Д. А. Ананьева – весьма объемное и скрупулезное исследование. О масштабах проведенной автором работы говорит и то, что в рукописи имеется 1270 подстрочных сносок, а в списке использованной литературы описано 1110 наименований различных историографических источников. При этом оценивая безусловно положительно труд Д. А. Ананьева, хотелось бы сделать несколько замечаний.

Так, на наш взгляд, требует более четкого обоснования выбор хронологических рамок периода, которому посвящены труды зарубежных исследователей. У автора это вторая половина XIX – начало XX вв. Почему именно эти рамки? Может, следовало бы взять начало XVIII в.? Именно с именем Петра Великого связано активное освоение богатств Сибири. Или выбрать начало XIX в., тем более, что реформам М. М. Сперанского зарубежная историография уделяла повышенное внимание, и автор это подробно рассматривает. Одним словом, нижние хронологические границы исследования требуют большего обоснования.

Понятно, что цель историографической работы состоит в выявлении основных направлений развития научных исследований или научного дискурса, в данном случае англо- и немецкоязычной историографии истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX – начала XX в. и в этом деле какие-то количественные показатели носят второстепенный характер. Однако работа Д. А. Ананьева только бы выиграла, если бы в ней прозвучали и некоторые итоговые цифры, дополнительно иллюстрирующие объем труда автора: хотелось бы видеть, сколько было им всего проанализировано

монографий, сколько статей и скольких авторов, и всё это можно было дать в проблемно-хронологической последовательности.

Во введении своей работы Д. А. Ананьев указывает, что основным историографическим источником диссертации являются как научные, так и научно-популярные работы англо- и немецкоязычной историографии. Автор подробно рассказывает о *научных* исследованиях, но ничего не пишет о *научно-популярных*. При этом можно предположить, что немалая часть зарубежной историографии относится именно к этому виду литературы. Хотелось бы, чтобы автор опять же указал, хотя бы в процентном отношении, сколько в исследуемом им массиве научных, а сколько научно-популярных, рассчитанных на «массового» читателя, изданий.

Подробно описывая и исследуя научный дискурс в англо- и германоязычной литературе, Д. А. Ананьев, к сожалению, редко высказывает свое, собственное видение конкретно-исторических проблем сибирской и дальневосточной истории исследуемого периода. На наш взгляд, авторские суждения только обогатили бы диссертацию.

Д. А. Ананьев считает интернет-ресурсы, содержащие сведения о развитии западного сибиреведения, одним из источников своего исследования. Это суждение автора не вызывает у нас возражений. Однако, на наш взгляд, учитывая широко известные недостатки данного источника, в диссертации следовало бы дать его научную критику, отметив как слабые, так и сильные стороны.

Пятая глава диссертации почему-то не разбита на отдельные параграфы, а значит, строго говоря, не может называться главой.

Отмеченные замечания не меняют положительной оценки состоявшегося диссертационного исследования и в большей мере носят дискуссионный характер. Значимость диссертации не вызывает сомнения и представляет крупный вклад в историческую науку. Основные выводы диссертации прошли апробацию в выступлениях автора на многочисленных международных и всероссийских конференциях. Достоверность и обоснованность полученных выводов апробирована в многочисленных публикациях и монографиях автора. Работа представляет законченное,

самостоятельное научное исследование, язык, стиль, оформление отвечают требованиям, предъявляемым к диссертациям. Автореферат в полной мере раскрывает структуру, содержание диссертационного сочинения и дает исчерпывающее представление о полученных результатах и основных выводах.

Считаю, что диссертация Дениса Анатольевича Ананьева соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства № 842 от 24 сентября 2013 г. (в действующей редакции), а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.5 – историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Официальный оппонент:

Иванов Александр Александрович,

доктор исторических наук (специальность 5.6.5 – историография, источниковедение и методы исторического исследования), профессор кафедры истории России исторического факультета государственного университета.

